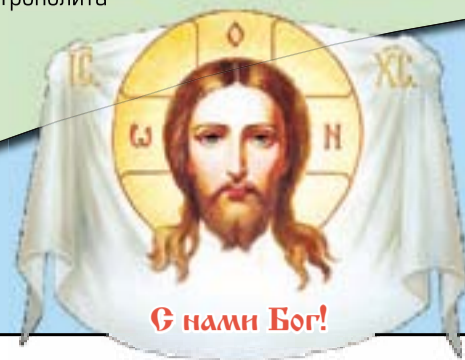




# ЖИЗНЬ во Христе

СЛОВО О ВЕРЕ

Издается по благословию Высокопреосвященнейшего  
Леонтия – Митрополита  
Оренбургского  
и Бузулукского



№ 24 (246)  
Декабрь 2007 г.



## НОВОГОДНИЙ МОЛЕБЕН

Митрополит Сурожский Антоний

Сегодня вновь открываются врата времени и встает перед нашим взором наступающий Новый год. Через эти врата времени мы видим грядущее Рождество Христово, которое мы будем праздновать всего через неделю. И Рождеством Христовым в этот новый год времени вступает вечность, Живой Бог вступает во время, делается человеком, общается плотью Своей всему тварному; время и вечность пронизывают друг друга, и сейчас мы стоим у преддверия этого чуда: время и вечность. Бог и человек соединяются в единый поток жизни и спасения.

И как каждый год, когда мы оглядываемся на прошлое и взираем на будущее, нас охватывает боль о том, что столько нет среди нас, почивших теперь сном земли, и вместе с этим зажигается такая радость, что они вступили в ту вечность, которая сейчас потоком льется во время.

И опять, озираясь на прошлое, мы видим,

сколь многого мы не сумели совершить в течение этого года: по бессилию, по забывчивости, по косности, по недоброй нашей воле. И перед тем как вступить в новое время, покаемся перед Богом, признаем свои ошибки и соберем с прошлого года опыт жизни, который нам позволит их не повторять и другие подобные ошибки не делать. Весь смысл жизни только в том, чтобы любить Бога, любить ближнего и чтобы все творилось только во имя этой любви.

В старой сказке говорится, как спросили некоего мудреца:

– Какое самое важное время в жизни? Кто самый значительный человек в твоей жизни? Какой поступок всего важнее совершить?

И ответ был таков:

– Самое важное время в жизни – это теперешнее мгновение, потому что прошлое уткло, а будущее еще не встало. Самый значительный человек в твоей жизни – тот, который сейчас перед тобой и которому ты можешь сделать добро

или зло. И самое важное дело в жизни – в это мгновение, этому человеку дать все, что может быть ему дано...

Вступим в новый год с этим чувством ответственности и вдохновения; вступим в этот новый год с верой, что сила Божия в немощи совершается: в нашей немощи, как совершилась она в немощи святых, которые были крепки только силой Божией; будем верить, что все нам возможно в укрепляющем нас Господе Иисусе...

И у преддверия нового года мне хочется повторить слова, сказанные в начале войны королем Георгом VI своему народу: “Спросил я стража, который стоял у дверей нового года:

– Дай мне свет, чтобы я с уверенностью мог вступить безопасно в неизвестное...

И он мне сказал:

– Вложи руку твою в руку Божию – это будет для тебя лучше, нежели свет, и вернее известного пути...”

Вступим и мы с таким доверием и с такой верой в Новый год; и когда мы будем молиться, чтобы Господь благословил его и нас, станем обращать свои молитвы и к святому Стефану Сурожскому, память которого мы совершаем теперь, в первое воскресенье после календарного дня, назначенного празднованию его памяти; пусть он будет тем стражем, тем вратарем, который раскроет нам новый год, который с нами вступит в него и благословит нас, чтобы, подобно ему, мы этот год сделали годом Божией воли и благодати.

А теперь примите от Господа Его благословение, и воспоем молебное пение о грехах наших и о прощении Господнем, о надежде нашей и о верности, которую мы Ему обещаем; и вступим в этот путь без страха, трепетным, благоговейным сердцем.

Благословение Господне на вас. Того благодарю и человеколюбием, всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

**Не бойся ни настоящей, ни будущей жизни**

Если настоящая жизнь так вожделенна, то что сказать о той, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Там уже не надо ни бояться смерти, ни опасаться потери благ.

Святитель Григорий Богослов.

**Готовь сокровища для своей вечной жизни**

Преподобный Варлаам в притче «О житии и о смерти человека» говорит следующее: “Был некий великий город, граждане которого имели обыкновение избирать царем мужа из неизвестной им страны, но с тем, чтобы он процарствовал только год, а затем они сослали его на один из необитаемых островов, и там царь их от всевозможных лишений погибал. Так погибло несколько царей. Наконец, в упомянутом городе был облечен царской властью муж весьма мудрый. Узнав о злой участи своих предшественников и о том острове, куда через год он должен был сослан, царь на этот остров послал множество верных рабов, золота, и серебра, и драгоценных камней - устроил все для своего благополучия на том острове. Когда же по прошествии года его сослали, то он жил в изобилии, безопасно и радостно”.

Что значит эта притча? Город - это наш суетный мир. Граждане города - это бесы, влекущие нас мирскими соблазнами в ад. Цари - это праведники и грешники. Первые обогащают себя делами добрыми и с ними идут в рай, последние ничего не имеют, кроме зла, и в Будущей Жизни погибают.









С самого вступления своего на пастырское поприще отец Иоанн Кронштадтский стал заботиться об улучшении быта беднейшей части населения. Еще в 60-х годах он заговорил об учреждении "Домов трудолюбия". В 1874 г., по его инициативе, было учреждено при Андреевском соборе приходское попечительство. "Церковное попечительство, – говорил о. Иоанн, – есть учреждение первых христиан времен апостольских, которые, по братской любви, так заботились друг о друге, что не бьяше нищ ни один из них (Деян. 4, 34). Оно особенно необходимо у нас. Дай Бог, чтобы оно было и у нас в таком же духе единомыслия и любви".



Начинается рассвет. Спит еще Кронштадт и только "посадская голь" начала вылезать из своих "щелей" – грязных вонючих углов низеньких ветхих домишек. "Боже, неужели здесь живут люди", – думал я, обходя в первый раз посадские трущобы, точно выросшие в землю. Оказалось, что не только живут, но живут плотнее и скученнее, чем, например, в богадельнях или казармах. Нары понаделаны рядами, а местами еще в два этажа! Голые доски, полутемная нетопленная изба, смрадная, нестерпимо пахучая атмосфера – вот общие признаки посадских "щелей". Не стану описывать подробнее отвратительную обстановку кронштадтской нищеты, потому что в ней нет ничего исключительного и особенного: такую же обстановку и бедность и если бедность, но непременно антисанитарную грязь можно встретить везде в России и везде, где нищета, там и грязь, где бедность, там и вонь; парадной, "нарядной" нищеты, как, например, в Германии, у нас нет. Хотя чистота в сущности ничего не стоит, но у русских она составляет исключительное достояние богатых...

Только что пробило пять часов утра, как из убогих посадских избушек начали выскакивать фигуры, мужские и женские, в каких-то "маскарадных" костюмах: кто в кацавейке и больших калошах, кто в зипуне с торчащими клоками ваты; на голове остов цилиндра, соломенная в дырах шляпа и тому подобное. Все торопятся, точно по делу бегут...

- Не опоздать бы, не ушел бы...

Только это у всех и на уме, потому что если "опоздать" или "он" ушел – день голодовки и ночлега под открытым небом.

Конечно, этот "он" – отец Иоанн, "отец" и единственный печальный всей кронштадтской подзаборной нищеты... Без него половина "посадских", вероятно, давно

извелась бы от холода и голода.

- Куда же вы так торопитесь? – спросил я одного оборванца, когда первый раз знакомился с "золотой ротой" Кронштадта.

- В "строй", – отвечал он, – кто опоздает к раздаче – после не получит.

Я пошел тоже за безжалостными...

На дворе было холодно и совсем еще темно; фонарей в этих улицах в Кронштадте нет, так что ходить приходится почти ослеплым. Мы прошли несколько улиц, пока на горизонте обрисовался купол Андреевского собора.

- Где "строиться?" – спрашивали золоторотцы друг друга...

- У батюшки, у батюшки... Он сегодня не служит в соборе.

Когда я подошел к дому, в котором живет отец Иоанн, там собралось уже несколько сот оборванцев и народ продолжал стекаться со всех сторон.

- Стройся, стройся, – слышались голоса.

Сотни собравшейся голи начали становиться вдоль забора, начиная от дома отца Иоанна по направлению к "Дому трудолюбия". На одной стороне становились мужчины, на противоположной панели – женщины. Меньше чем в пять минут образовалась длинная лента из человеческих фигур, примерно в полверсты. Бедняки стояли в три колонны, то есть по три человека в ряд, так что занимали всю панель, женщин было гораздо меньше мужчин.

Все ждали...

Долго я ходил по линии "строю", всматриваясь в эти изнуренные лица, исхудалые, оборванные фигуры... На лице каждого можно было прочесть целую житейскую драму, если не трагедию... Были тут молодые, почти юноши и седые старцы, попадались на костылях, убогие, с трясушимися головами, с обезображенными лицами...

Да, такую коллекцию "сырых" трудно подобрать;

Н. Живо́тов

## "СТРОЙ..."

если каждый из них в отдельности не способен тронуть сердце зрителя, то коллекция этих "детей отца Иоанна" может заставить дрогнуть самое черствое сердце! Пусть большая часть их пьяницы или люди порочные, пусть сами они виноваты в своем положении, но ведь это люди... люди страдавшие, страдающие и не имеющие в перспективе ничего, кроме страданий! Вот бывший студент медицинской академии, вот надворный советник, поручик, бывший купец-миллионер, вот родовой дворянин громкой фамилии... У этого семья и больная жена, у того старуха мать, сестры... Мне показали старика, который двадцать лет питается одним хлебом и водой, у него высохла правая рука, он лишился возможности работать и двадцать лет живет подаванием отца Иоанна. Двадцать лет он не имеет собственного угла, не видал тарелки супа и если бы не отец Иоанн, то давно умер бы с голоду.

Я просил показать мне этого старика. Несчастный стоял в хвосте "строю" в первой колонне.

- Любоваться пришли, – ядовито обратился он ко мне с укором, когда я остановился против него...

Вид старика был суров; нависшие седые брови почти закрывали глаза, а всклокоченная седая борода спускалась на грудь; глубокие морщины и желтый отлив кожи красноречивее слов свидетельствовали о пережитом старцем... Его высокая фигура как-то сгорбилась, а правая рука висела без движения...

- Возьми, старец, – протянул я ему руку с кредитным билетом.

- Оставьте себе или дайте вот им, – отвечал он, мотнув головой в сторону "строю" и не принимая моей руки, – я не нищий, моя правая рука

почтенный пастырь сроднился с этой средой, понимает их без слов, по одному намеку, точно так же, как и толпа понимает его по одним жестам...

Окруженный и сопровождаемый своими "детьми", отец Иоанн медленно движется к собору Андрея Первозванного для служения ранней обедни. Исчез батюшка в дверях храма и толпа рассеивается по городу, лишь ничтожная часть остается на паперти для сбора подаваний. Это уж профессиональные нищие, которых, однако, очень много, и напрасно некоторые полагают, будто отец Иоанн размножает нищих.

"Строй" золоторотцев, как я называю нищих отца Иоанна, образовался давно уже, лет тридцать, но дисциплинировался, развился и приумножился за последние годы. По самому умеренному расчету, число бедняков, живущих на счет отца Иоанна, достигает тысячи человек, причем все они ежедневно утром и вечером получают несколько копеек.

Независимо от этого для них устроены на средства кронштадтского пастыря ночлежный приют, рабочий дом и двенадцать благотворительных заведений.

Бедняки привыкли смотреть на заботы о них почтенного пастыря, как на что-то должное, почти законное.

Отец Иоанн и сам смотрит на заботы о кронштадтских бедняках, как на свою обязанность. Последние годы он не имеет времени оделять "строю", но поручает это, кому-либо из приближенных, а когда уезжает в Москву или на родину, то оставляет на все дни определенную сумму с тем, чтобы бедняки ежедневно утром и вечером получали по три или пять копеек (смотря какими ресурсами располагает пастырь).

"Строй" обожает своего "отца" и "кормильца", нравственное влияние батюшки на него громадно.

Однажды имел место следующий случай. Бывший

полицеймейстер Головачев сообщил отцу Иоанну, что его нищие занимаются грабежами и что один из них сорвал с господина Б. дорожную бобровую шапку, когда тот проезжал вечером по одной глухой улице. В тот же день по получении этого известия отец Иоанн собрал свой "строй" и объявил ему неприятную весть. "Строй" молча выслушал батюшку, и десятки голосов отвечали:

- Не наших это, батюшка, рук дело. Сегодня же мы разузнаем и найдем виновника.

Действительно, в тот же день вечером бобровая шапка была представлена отцу Иоанну...

Вообще, довольно батюшке намекнуть о каком-либо желании, чтобы бедняки немедленно приняли все меры к выполнению воли своего "отца".

"Строй" подвергается довольно частым видоизменениям. Можно назвать несколько десятков (а может быть, и сотен) бедняков, которые под влиянием пастырства отца Иоанна и при его материальной поддержке и помощи сделались теперь если не богатыми, то сравнительно достаточными труженниками: некоторые получили хорошие места, другие сделались торговцами, третьи покинули Кронштадт и Петербург, отправившись на заработки в провинцию. Но прибывающих всегда больше выбывающих, почему численность "строю" растет с каждым годом. Конечно, в массе есть люди порочные, есть и профессиональные нищие, но можно утверждать, что хороших больше, чем худых, и несчастных больше, чем порочных, даже много больше. Отец Иоанн знает про плевелы своей паствы и старается игнорировать их по возможности, но никогда не выделяет их из "строю" при разделе подавания, руководствуясь общим правилом: "просящему у тебя дай". А если этот "просящий" снесет подавание в кабак – это дело его совести, он за это отвечать будет.



Ответственный за выпуск протоиерей Сергей БАРАНОВ.  
Редактор Т. БАЗИЛЕВСКАЯ.

Адрес для писем: г. Орск, ул. Ленинского Комсомола, 2.  
Тел. редакции.....25-07-66  
orskpr@mail.ru

Газета издается с 1996 г., выходит два раза в месяц.  
Отпечатано в ООО "Орскпресс".  
Объем 2 п. л. Тираж 2500 экз.

Дорогие братья и сестры! Просим не использовать газету для хозяйственных целей. Если она стала вам не нужна, пожалуйста, подарите ее знакомым или отдайте в любой православный храм.

Дорогие братья и сестры! Газета "Жизнь во Христе" нуждается в вашей поддержке. Просим ваших молитв и, по возможности, финансовой помощи. Спаси, вас, Господи!